

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ: САКРАЛЬНОЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ

Александр Разумов

Идея и идеалы истории

Расскажи мне не о том, что было, есть и будет, а о чем-нибудь еще.

Гомер

История выходит за пределы того, что было, есть и будет; она больше простого событийного ряда. Она не укладывается в мир вещей и времен, хотя не обходится без вещей и принимает бег мгновений. Вечность не лучшая среда для обитания истории, поскольку в вечности нет времени, но вечность, возможно, каким-то образом в истории светится. Какой истины ищут в истории наши головы и что они вычитывают из написанного историей и об истории? Обо всем этом предстоит разговор в дальнейшем, а пока, с вашего позволения, хотел бы кое-что пояснить.

Сам автор не принадлежит к уважаемому ученому сообществу историков и не провел ни одного самостоятельного исторического исследования, поэтому заранее извиняется за возможную скромность результатов (для определенным образом ориентированного читателя, не усугубляя их чрезмерно завышенными претензиями). Это сочинение не по истории, а об истории. Точнее, об авторском ее представлении. Возможно даже, об идее и идеале истории, как они сложились в отдельной исторической голове. Моей голове.

* * *

Обращение к себе, самопознание, самоорганизация являются настоятельными рекомендациями истории, начиная как минимум с «осевого времени», когда духовные процессы меж-

ду 800 и 200 гг. до н.э. формировали мировые религии и моральные кодексы. Не все знатоки полностью разделяют убеждения автора «Истоков истории...», в их числе антрополог и культуролог Лев Гумилев, которого не устраивают названные К.Ясперсом времена и сроки. Но сегодня, похоже, гипотеза принята в качестве общезначимой истины. Да будет так!

И стал свет. И появился я, когда меня еще не было. И я не хотел бы, чтобы Вы поняли меня только в переносном смысле.

Чтобы понять цель и назначение истории, понять ее смысл — поскольку история уникальное и единственное событие — нужно либо прожить ее целиком, и тогда некому будет рассуждать о ее смысле, либо каким-то образом выйти за ее пределы и с высоты выгодной внеисторической позиции посмотреть, чем она является, к какой цели движется человеческий род. Греется ли он у последних костров техноцивилизации или встречает робкую зарю новых времен? Либо род человеческий завершит свое «быть», не дожидаясь «точки Омега», либо переродится во что-то более совершенное (возможно даже, и не вполне финансово-рыночное). Может быть, род человеческий реализует «Золотое правило морали», которое тянется из «осевого времени»: «Поступай с другим так, как хочешь, чтобы он поступал с тобой». В общем, такая намечается бифуркация, если воспользоваться словарем модной сегодня синергетики И.Пригожина.

Для ума, который выходит за пределы времени, история, конечно, не проблема. А если честно, то и физико-математическая синергетика имеет к истории только косвенное отношение. В лучшем случае синергетика описывает социально-технологический процесс движения нашего рода во времени. История же нечто иное. Вернемся к истории.

Вообразите времена просвещенного стоика Сенеки и воспитанника его поэта Нерона. Тогдашние «спецслужбы» доносят правителям, что на некие «тайные вечера» собираются члены секты, поклоняющиеся человеку, распятому по утвержденному Прокуратором приговору Синедриона за то, что смущал народ неофициальными проповедями, и за несдержанное поведение: изгонял менял из Храма, препятствуя проведению законных финансовых операций. Сектанты объявили распятого Богом и в знак почитания (символически) поедают его тело и пьют его кровь. Они укло-

няются от службы в армии и учат, что после смерти их ожидает вечное блаженство, а всех прочих — «геенна огненная». Как вы полагаете, что обо всем этом обязан был думать имперски ориентированный гражданин Рима и как он должен был отнестись к учиненному Нероном и к гонениям на христиан вообще?

Каким образом вероучение всего за три сотни лет не только шагнуло за пределы Рима, но и утвердилось в качестве основной религии империи? До такой степени, что на Никейском соборе (325 г.), созванном Константином Великим, при его деятельном участии большинством голосов епископы приняли «Символ веры», где объявили Христа Богом и осудили ересь сомневающихся в этом ариан. Это пример управляемой епископской демократии.

Для меня это победное шествие загадка, а с точки зрения анализа социально-технологических перемен — нелепость. По части объяснения победы христианства, кроме известных марксистских «опиум народа», «вздых угнетенной твари, душа бессердечного мира» и «Христос победил потому, что потерпел поражение Спартак», кроме объяснений Ренана о пути человека Иисуса и детальных исследований культуры Древнего Рима и раннего христианства Р.Ю. Виппера, — кроме всего этого позволите предложить еще и *историческую* версию.

Осевое время сформировало «я», но еще не провозгласило его самоценность. Оно еще отдавало предпочтение роду, общему, оставляя на втором плане единичное и личное. Авраама (*отец множества*) оно ценило больше первоначального Авраама (*отец высокий*) (Быт. 11, 27). Во время осуждения Иисуса первосвященник, глава Синедриона, это древнее убеждение выразил словами «сказал им»: «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11, 50). Перед тем как «поставить Завет» и сообщить Моисею знаменитый моральный декалог, Господь, Бог его, счел нужным предупредить, что «за вину отцов накажет детей до третьего и четвертого рода». Правда, за исполнение заповедей обещал «творить милость до тысячи родов» (Втор. 5, 9–10).

Перетолковывая декалог в «Нагорной проповеди» в сторону непротивления злу, терпимости, прощения врага, духовности и любви, Спаситель обращается исключительно к личности и ее внутреннему миру, совсем не взывая к роду (Авраама, Давида, Иосифа) царей и пророков.

Обращение к личности минуя род было величайшим прорывом во всей системе человеческого мышления. Оно стало крупнейшим историческим событием и началом ценностной переориентации от «я» родового на «Я» индивидуальное, незавершенной еще и в наши дни. Конечно, за две тысячи лет проповедь должна была расставлять новые акценты, но главное, исторически главное — неизменным остался Завет. Новый Завет, проект, адресованный грядущим поколениям. Для того чтобы преодолеть влияние ветхих родов — племенных рекомендаций и морального кодекса, потребовался авторитет Бога, авторитет Слова, объявившего наступление новых времен. Выдающаяся личность древнего мира Сократ восстал против полисного сознания и выпил цикуту. Он остался в памяти учеников, но религии не сотворил. Кардинал Николай из Кузы главной заслугой Сократа считал то, что «он знал о своем незнании».

«И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали». Разрешите мне вольность перенести «Откровение» Иоанна Богослова в то время, когда оно было записано, и закавычить в нем «Я». Не являясь (пока!) человеком воцерковленным, могу в своем своемыслии пойти дальше и предположить, что знаменитое «Я емь путь и истина и живот» нельзя понимать так, будто «сын человеческий» Иисус из Назарета берет на себя всю полноту ответственности, снимая ее с кротких, плачущих, милостивых и прочих «блаженных» и «нищих духом». Если бы все этим ограничивалось, Богочеловек был бы не Спасителем личного начала в человеке, а «вздыхом угнетенной твари» и ничем более.

Христианство потому и победило в веках, что Спаситель возложил долг и честь собственного спасения на личность, на «Я», на инициативу и свободу личности. Со всеми «вытекшими» и еще вытекающими последствиями. И никто не запрещает услышать зов собственного рода и пострадать за род, как Спаситель принял на себя грехи мира, лишь бы не по принуждению пострадать, а по собственному воле-соизволению. Поэтому и следует признать выдающуюся историческую роль христианства в сотворении Личности.

Главное, что заповедовало древнее, историческое христианство своим потомкам, — это сочленив любовь к Богу и любовь к Человеку. Пронести Любовь через то, что Августин Аврелий назвал «существующем только в душе», — «настоящее прошлого» (память), «настоящее настоящего» (непосредственное созерцание) и «настоящее будущего» (ожидание). Через все три слагаемых ускользающего от нас времени¹.

* * *

Замечательный немецко-американский христианский мыслитель, знаток и философ культуры, теолог Пауль Тиллих определял: «Мужество быть рождается из мужества быть собой и мужества быть частью одновременно». С полным основанием слова эти можно отнести к историческому человеческому бытованию, где сосуществую я и присутствующие во мне более общие части целого. Однако для согласия и разговора с Тиллихом надо в чем-то существенном с ним совпадать, чем-то важным напоминать хотя бы. Например, для разговора необходимо, чтобы собеседник был не просто «двуногим без перьев», а являлся личностью. Надо, чтобы он «существовал» в истории, а не «влипал» в историю, как различал эти понятия Ежи Лец.

Для иного онтологического «быть» вообще никакого мужества не требуется — примеры вы легко домыслите сами. Возможно, некоторые «быть» следовало бы, как бывало в домораторные, нецивилизованные времена, исключить из дальнейшей истории вовсе, но здесь восстает современное прочтение Божией Воли, будто бы принявшей на себя всю полноту ответственности за любые деяния, сотворенные его творениями. Знаком Бога, конечно, виднее.

Но здесь возникает вопрос о том, как быть с теми, кто связывает полноту «быть» исключительно с «путем человеческим», с восхождением к Человеку на основе его природного, генетического и благоприобретенного свободомыслия, на способности его к обновлению? Ведь и тому, кому не светит перспектива

¹ *Августин Аврелий. Исповедь. М., 2005. С. 222.*

воздаяния за «мужество быть» в Отцовских объятиях Совершенства и Вечности, приходится принимать ответственные решения. Например, когда, чтобы доказать свою способность «быть частью», ему случалось отказываться от продолжения быть самому. Как на Отечественной войне — погибая «за други своя».

Хочу обратить Ваше внимание, что я вовсе не возражаю Тиллиху. Я просто уясняю для себя сложность заявленного теологом тезиса о том, из чего «рождается мужество быть». Вполне согласен и разделяю мысль: для того, чтобы сохранить «Я» от давления многих частей и в них полностью не раствориться, следует культивировать в себе мужество. Особенно, если твое «Я» противостоит государству, национальному чванству, религиозному фанатизму, беззастенчивому обману и давлению элит, воровству и бандитизму в частях твоего «быть» и тому подобное. Конечно, необходимо противостояние «Я» диктатуре тотальных идеологий.

Полное освобождение от влияния идеологий не только крайне затруднительно, но и вредно. Идеологии проникают в головы, трансформируясь в убеждения, а отсутствие убеждений, по сути, обратная сторона фанатизма, так сказать, фанатизм навыворот. Вопрос в том, какие убеждения и в какой степени есть результат свободного выбора, а в какой — полного подчинения. Наилучшее из убеждений заявляет о своей готовности уважать чужие убеждения, если они не стремятся подавить твои собственные.

К несчастью, подобные похвальные умонастроения являются историческую редкость, а не правило, и охраняются убеждения скорее внешними силами, чем силой мысли. Охраняются и насаждаются. Так что и здесь для сбережения «Я» требуется, не повредит упомянутое мужество.

Убеждения являются собой субъект-объектные отношения; они сплав социального и психического, отделить которые можно, но в абстракции. Убеждение — это принуждение и побуждение одновременно. Принуждение к побуждению и побуждение исполнить принуждение. А нас постоянно к чему-то принуждают и побуждают: слушать отца и маму, учителя в школе, исполнять поручения начальства, команду отдающего команды.

Божеское и человеческое. Вечное и временное, историческое... В начале XX столетия социологи и социальные психологи обнаружили новое социально-психологическое явление —

толпу. Собирались и кричали на площадях, конечно, и раньше. Но с возможностью передавать возбуждающие импульсы по проводам и радиоволнам появилась возможность образования «неклассической» толпы, не связанной единством места.

Так вот, неотолпы питомцев проводов, радиоволн, мелькающих картинок молчащего, затем говорящего синематографа («важнейшего из искусств») вместе с вождями учинили в XX столетии побоище, какое не снилось даже таким заметным борцам с ересью, как Томас Торквемада. Ушедшее столетие — бесспорный чемпион в смертоубийстве. На площадях родины Гуттенберга горели костры из книг, а «сверхчеловек» шагал по трупам, оставляя за собой газовые камеры, куда под «Циклон Б» загоняли не только женщин, но и стариков и детей. Всех по убеждению, заметьте.

Божественное и человеческое знали в истории подвижников, мучеников и героев. Они знали величайшие просветления духа и нравственные подвиги, но они же могли иметь уродливые, катастрофические последствия. Серж Московичи назвал ушедшее столетие «веком толп», а общество — «машиной, творящей богов».

Отличительной особенностью толпы является отсутствие в ней личностного начала, отсутствие «Я», размазанного по толпе. В нашей терминологии это означает отсутствие еще и «мужества быть частью», не сливаясь с ней.

Правда, одного мужества мало. Настоящий владелец «Я» взращивает внутри значения и смыслы, из которых произрастают культуры, а среди них — культура общения с историей, культура бытия в истории и отношения к истории. Культура трактовки истории, чувства истории и предчувствия истории.

Примеры выдающихся людей, взращивающих в себе высокую культуру глубоких смыслов, привести несложно, оглядывая разные направления творчества. Но здесь возможен и возникает вопрос, точнее вопросы. Причем тут автор и какое отношение он имеет к этому ряду известных людей? По какому праву он пытается втиснуться в историю, рассуждая о любых других «Я», к тому его вовсе не уполномочивших? Наконец, кто оно такое, это пресловутое «Я»?

Начнем с конца, тем более что в этом случае от меня требуется минимум усилий и никакого творчества. Достаточно просто воспроизвести в общих чертах то, что называется классической теорией личности. Теорией, еще не знакомой ни с психоанализом, ни с коллективным бессознательным, ни с прочими и новейшими «модернити», готовыми вытрясти из личности последние проблески сознания и бессмертную душу. Я знаю, натурально, о влиянии на историю различных форм «клиники», «фобии», об индивидуальных и массовых психозах и страхах. Мы о них немного говорили. Но не думаю, что сейчас меня вдохновляет подсознание, а пером движет или стучит по клавишам коллективное бессознательное. Скорее я предположил бы коллективный разум, если бы это не было так нескромно.

Итак, я говорю о классической теории — в той или иной мере она присутствует во всех «модернах» и «постмодернах», — и пусть меня поддержат столетия и тысячелетия классики.

Классика сводит богатство внутренней жизни личности к трем основным стремлениям: интеллектуальному познанию, любви и свободе. «Я научу вас истине, и истина сделает вас свободными» — зовет слово Христа.

«В первом царстве — Отца, Ветхом Завете, открылась власть Божия как истина; во втором царстве — Сына, Новом Завете, открылась истина как любовь; в третьем и последнем царстве — Духа, в Грядущем Завете, откроется любовь как свобода. И в этом последнем царстве произнесено и услышано будет последнее, никем еще не произнесенное и не услышанное имя Господа Грядущего: Освободитель». Так в «Грядущем Хаме» разъяснял писатель Мережковский историю на основе эволюции: истина, любовь, свобода.

Стремление к истине, познанию, со временем ставшее наукой, подробно изучено и продолжает изучаться теорией, методологией, социологией, психологией науки, в целом философией познания, и в статье неуместно замещать их неизбежным пустословием. Имеет смысл разве что замечание, связанное со стремлением познания заглянуть за собственные пределы, за свои рациональные горизонты, во всяком случае.

Больше, конечно, здесь отличалась познающая мысль, не скованная рамками строгой научности. Правда, и строгий Лейбниц, изучая и формулируя законы логики, считал возможным ограничить Всесилие Бога логическим законом «достаточного основания». Лейбниц учил о «теодицее», о «предустановленной гармонии» (осмеянной Вольтером). Выходило, что Бог, выбирая среди многих «лучший из возможных миров», не может нарушить закона логики. Сегодня «закон достаточного основания» вычеркнули из числа логических, так что недоразумение с Богом в этом случае разрешилось. Но вот нынешнему общему любимцу Бердяеву для отыскания смысла истории понадобилось переступить границы времени, проникнуть в евангельное Царство Божие — «эсхатологическую», «метаисторическую» сферу духа, свободную от объектов здешнего бытия, от необходимости, причинности, формальной логики, а затем погрузиться в «неисследимую бездну» «безначальной» свободы творчества, которая первичнее и вне Бога.

Как видим, мысль не только не уместается в рамки космических миров и пространств — ей и в неоглядной беспредельности Абсолюта тесно. Самое занятное, что тексты Лейбница, Бердяева и многих других — вовсе не простая игра праздных умов, а интересная форма самоиспытания, самовопрошания мысли.

Столкновение с бесконечностями и конфликты с универсалиями вовсе не привилегия теологии и философии. Математику потрясали кризисы «утраты определенности», как выразился математик Морис Клайн. Только было великий Пуанкаре заявил: «Никто не изгонит нас из рая, созданного Кантором», как были обнаружены неустранимые (в рамках известных способов рассуждений) противоречия (антиномии) между аксиомами и их следствиями в теории трансфинитных порядковых чисел и в теории кардинальных чисел, толкующей, в частности, о таком мысленном пределе, как «мощность множества всех подмножеств множества всех множеств». Это антиномия Г.Кантора, обнаруженная им в 1891 г., а опубликованная лишь в 1932-м. Известны еще логические и семантические антиномии. Есть варианты решений, но среди них ни одного общепризнанного. Как показывает история математики, самый надежный способ решения антиномий — это забыть или сделать вид, что их не существу-

вует. Физики, встревоженные барионной асимметрией Вселенной, принялись конструировать новый физический Универсум, сочиняя в дополнение к старому бесконечное множество вселенных, в том числе и с отрицательно направленным временем.

Не станем продолжать список чудес современной физической картины мира. Все чудеса допустимы, если в них — стремление ума к самопознанию. Тезис, который я хочу вместе с «Я» отметить, настаивает на том, что каждый санкционированный историческим регламентом производства знаний (непротиворечивость, полнота, проверяемость и пр.) акт познания является актом самопознания одновременно. В каждом из таких актов мы испытываем свой ум, вопрошаем его о способности понять все многообразие находящегося вне ума. Призовем поэта для оправдания упомянутых научных фантазмагорий:

Змеиные, непрожитые сны
Волнуют нас тоской глухой тревоги
Словами Змия: «Станете, как боги,
Сердца людей навечно прожжены».
(*М. Волошин. «Венок сонетов»*)

Мне в этом разделе осталось ответить еще на два вопроса, если вы о них еще не забыли. В компанию к великим людям я навязываюсь из желания с их помощью ответить на самые существенные и откровенные вопросы моего личного бытия в истории. Кем я был, когда меня не было? Кто я, когда существую? Кем я буду, когда меня не будет? А рассуждаю о других я по праву того, кто никому не возбраняет проделать то же самое. Более того, я уже пригласил вас на роль собеседника, а вы вправе в любое время эту беседу прервать. Что было бы жалко, т.к. мое я существует только в общении с другим «Я», или в диалоге, как говорили многоумные греки. Поэтому прошу позволения продолжить.

* * *

В предыдущих разделах статьи я более или менее произвольно разбрасывал по истории части самого себя. Настало время собирать камни. Показать, не как я попадаю в историю, а как история попадает в меня.

Части моего «Я» можно обнаружить в тени египетских пирамид, храмов-зиккуратов Двуречья; они на берегах Хуанхэ и Ганга, вблизи Мертвого моря. Но более всего культурной родиной европейца является греко-римское Средиземноморье. Оттуда больше всего вливается в меня история.

Нелишне напомнить, что в России едва ли не до XX столетия человеческая история начиналась на Троянской войне с Гомера, когда греки обманом, пардон, хитроумием захватили Трою, дворец и все сокровища Приама – деяние, которое считалось образцом полководческого таланта. Гомер повествует не только о событийном ряде, а «о чем-нибудь еще». Он представляет весь эллинский (полисный) мир во всей его мифологической целостности, красоте и нравоучительстве. Космос и все поглощающее время – Хронос, пожирающий своих детей, Боги Олимпа, титаны и герои, не слишком добродетельный Одиссей и верная Пенелопа. Чтобы не говорить долго о влиянии греческого и латинского языков на нашу культуру, вспомним некогда знаменитую Славяно-греко-латинскую академию.

Античности, ее первоначальным импульсам и новому взгляду на старые ценности обязаны Возрождение, Просвещение. Одни эпохи связывали себя с именем Аристотеля, другие – Платона. Одни исповедовали Плотина, другие связывали духовные искания со стоицизмом или с материализмом Демокрита. Агностицизм, спиритуализм и скептицизм – все они родом из античности.

Античность смотрит с художественных полотен, она в камне и бронзе. Она в литературе, поэтике и этике. В поэтике Европа вплоть до романтизма шла тропами, проложенными Аристотелем и Горацием; архитектура Витрувия вдохновляла зодчих Ренессанса и барокко. Каждый европейский эпик – на свой лад наследник Гомера или Вергилия, комедиограф – Плавта, Аристофана или Теренция, трагик – Еврипида или Сенеки. Римское право лежит в основе кодексов и правосознания Нового времени, оно в ряде современных политических и правовых понятий.

Творческие импульсы античности можно обнаружить у Ломоносова и Пушкина; их чувствовали Валери, Малларме, Элиот. Если взять только европейский XX в., можно вспомнить, что Брехт истолковал миф об Антигоне в духе исторического

материализма, а Ануй представил Антигону экзистенциалистом. Можно продолжить, например, рассказывая о «дионисийском культе» внутри русского «культурного ренессанса». Можно продолжить, но лучше сказать о главной заслуге античности перед Европой: она породила убеждение в незыблемой гармонии мира, благодаря чему в Европе развились естественные науки, далеко опередившие замечательных арабских ученых, а также Индию и Китай.

И, наконец, каждый архитектурный памятник античности — это одновременно и памятник математике. Математики утверждают, что каждый из них явный либо скрытый платонист. Когда наш выдающийся математик академик Владимир Арнольд говорит, что он «религиозный атеист», то это означает, что он доверяет объективному миру идей. Притом что первые города, а значит, и архитектура с математикой встречаются за 5000 лет до н.э., т.е. задолго до возникновения ионической философии и Пифагора. До несоизмеримости диагонали и стороны квадрата, до Ахиллеса и черепахи и головоломного вопроса: «Прав ли критянин, утверждавший, что все критяне лжецы?». Но такой попадает в меня культура Греции. Античность поставила один из самых сложных вопросов философии — проблему существования. Что значит, что существует число, вещь, отношение или что существую я? Где грань бытия и ничто? Окончательные ответы философии пока не известны. Есть варианты.

История вливается в меня вместе с песнопениями матери, она вводит и ориентирует меня в мирах красок и звуков, перво-музыки, а через нее я и «Я» слышим «вдох ангела в нашей душе», как выразился немецкий пианист и композитор XIX в. Ж.П.Рихтер. Затем мы попадаем в мир природных и социальных зависимостей, и вот уже освоены синус и косинус, начала механики и программа садовода Мичурина «Нам нельзя ждать милости от природы» и людорубное «Лес рубят — щепки летят». Это я увлекся и говорю о себе, о своем детстве.

Теперь, похоже, полезно отметить, что я и «Я» не две, а одна сущность и часто взаимозаменяемы. Мы часть и целое, особенное и общее одновременно, хотя мое «Я», конечно, выходит за пределы моей феноменологии в трансцендентальное поле исто-

рии. Напомню, однако, что Галилей считал единицу самым совершенным числом, поскольку из единицы можно получить любое другое. Это не в качестве аргумента.

Кроме античного, византийского история вливается в меня еще многими мирами. Освоив начала природознания, я приступаю к изучению себя. Хожу на войну с Наполеоном вместе с М.И.Кутузовым и Андреем Болконским, а также иду с наполеоновым поклонником Родионом Раскольниковым убивать старуху-процентщицу. Есть для меня и более сложные задания. Например, потанцевать на первом балу вместо Наташи Ростовской или побывать Клеопатрой в объятьях Антония. Сложно. Зато наступают сроки, и я понимаю (как мне мнится) запросы Целого и принимаю решения, как к ним относиться. «Я» принимает ценности и иерархию ценностей. Где-то в тумане проступают начала, круги и пути Бытия! Творец, Вселенная, Вечность, Время, Разум, Познание, Родина, История. Я прихожу к пониманию, что все это я сам, все составляет полноту Смысла. Полноту Смысла в единстве Целого.

Понятие истории полисемично. Оно присутствует в каждом народе, без него народ не имеет права на такое название. Народы, нации могут признать свое техническое отставание, но никогда не признают превосходства других культур. Так называемый этноцентризм. Своих богов они если сдадут, то только в последнем и крайнем случае. Поэтому Макс Вебер и говорил об извечной, безнадежной борьбе богов. Нужны серьезные исторические подвижки, чтобы найти компромиссы. А пока — бедный Салман Рушди...

Легко заметить, что полисемизм понятия истории оставил и спровоцировал разные его значения. Об истории говорилось как о временном ряде, начало которого зависит от принятой точки отсчета. Утверждается, что отличительная особенность ряда гласит: «История не знает сослагательного наклонения». Далее история — это память социальных групп, выраженная в верованиях, преданиях, стандартах поведения, обрядах, народных песнопениях и танцах. Память воспроизводит «типы времени», столь нелицеприятно оцененных Василием Осиповичем Ключевским, назвавшим их «гримасами, вызванными патологическим стремлением людей известного времени». Будем надеяться, что сказанное относится не ко всем типам «типов времени».

Кроме обычаев и нравов свидетельствами памяти выступают вещественные предметы — оружие, орудия, сооружения, сохранившиеся в целостности, и останки культур (и людей).

Наконец, история — это память, запечатленная в слове — в документах, поэмах и сагах и, конечно, в трактатах историков. И в трактатах о трактатах историков.

История как ценностно ориентированный процесс культурно-психологического движения надстраивается над социотехнической эволюцией. Социально-технические перемены равнодушны к морали, хотя неравнодушны к истине. Их стихия — рынок, равнодушный к цели и смыслу, хотя и не к эффективности. Пока социотехнический компонент является ведущим и диктует истории свои законы. Поэтому будущее рода Homo ветвится.

Счастье, что история не во всех ее перечисленных смыслах подчиняется законам больших чисел и вероятностей. Мы с вами имеем дело с мотивированным поведением, а стало быть, «пусковая причинность» может исходить от того, что представляется маловероятным. Например, от желания исполнить Завет.

Теперь время сказать, что это ранее упоминавшееся в разных контекстах слово не что иное, как Истина в истории. Истина науки — это соответствие мысли фактическому положению дел, а какая истина может быть в моральном долге? Он долженствует независимо от дел в мире. «Пусть правосудие свершится, хотя бы погиб мир» — гласит стоическая Заповедь. Истина в истории — это программа морального совершенствования, адресованная потомкам.

Поэтому хотя история (во всей полноте значений слова) действительно уникальный феномен, но именно поэтому она имеет внутреннее течение времени, внутреннюю цель и внутренний смысл.

* * *

Мне осталось сказать главное и ответить на вопросы, из-за которых затевалась вся предложенная вам работа. Я продолжаю об истории во мне.

Раньше были попытки описать фрагменты того, кем я был, когда меня не было. Кто я, когда я есть, читающий узнает из статьи. Настоящими заметками я сообщаю о себе больше, чем если бы заполнил анкету. Вы узнаете меня и многое из моего сокровенного внутреннего мира. Я пишу свою автобиографию, а если она будет прочитана, то станет частью биографии вашей. В автобиографии мне следует, по совету китайского мудреца, выяснить, кем я буду, когда меня не будет. Иными словами, я хочу разобраться в собственном толковании цели и смысла истории.

Хочу предупредить, что с кого бы то ни было снимаю ответственность за собственное толкование истории, но замечу — ее вынуждены разделить мировые религии, история познания и сослагательное наклонение истории — опять же истории, взятой во всей полноте значений понятия. Так же, как своеобразно толкование истины в истории, так же специфична и полнота объяснения.

Истории не бывает без сослагательного наклонения. Говорим ли мы о первых моментах возникновения Вселенной, Большом Взрыве и мировых константах или о вчерашних событиях, полное историческое объяснение они получают, если существует ответ на вопрос, когда, начиная с какого момента, при каких обстоятельствах могло бы быть иначе. При полном уважении к классику замечу, что история, которая ничему не учит, таковой не является. Это не история, а неосмысленная цепь перемен.

Итак. Истории познания достоверно не известно, существуют ли кроме рода Ното другие формы разумной жизни. Если это так, мы вынуждены считать себя пока уникальной формой самопознания Вселенной. Можно, правда, вернуться к героическому сознанию Джордано Бруно и множеству иных разумных миров, но тогда, как и встарь, воспротивится христианство. Представить себе Бога Сына, с распятием кочующего по всем мирам, значит подрывать самую основу вероучения. Самопознание Вселенной вовсе не мелкая цель существования истории. Вполне достойная. Ну, предположим, для осторожности, одна из форм самопознания — на случай иных познающих миров. Тоже немало. Допустим, можно согласиться, что нельзя изнутри истории, не прожив историю, обнаружить ее цель и смысл. Но никто не доказал, что их нельзя сотворить. Я перехожу к Заветам религий, к идее и идеалу истории.

В центре всех мировых религий, конечно, Высшее мировое начало, Мировой Разум, Творец, Создатель, Господь Бог. Но в каждом религиозном предании непременно есть инобытие Бога, которое связывает Творца и творение теснее всего, — идеал, Совершенный человек, через которого передается Завет. Он близок абсолютной Истине и пример для подражания. Он может быть земным обитателем, но его непременно ждет Небо. Конфуций и Лао-цзы, пророки Ветхого Завета, принц Гаутама — последний Будда, Спаситель Иисус из Назарета, Заратустра, пророк Мухаммед — все они совершенные люди. Возможно, «Я» стану совершенным, когда меня не будет.

Среди Совершенных людей такого соперничества, как среди богов, нет. Мудрец Конфуций не вступит в непримиримый спор с пророком Мухаммедом, а Мухаммед ничего не имеет против Исы. И еще. Среди нерелигиозных нормальных человеколюбивых нет никого, кто не признавал бы заслуг Совершенных людей. Присоединяюсь к мировым религиям, видящим Совершенного человека в конце мегацикла истории, а самого его Смыслом истории.

При этом, как учил Протагор, «человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих». Кроме того, человек есть мера времени и мера истории. Или история есть мера человеческого — так, пожалуй, вернее.

Может быть, человек есть мера Божественного, а творение есть форма самопознания Творца. «Все, что я говорю о Боге, я говорю как человек» — так Тейяр де Шарден подчеркивал очевидное. Может быть, с приходом Совершенного человека мы услышим одного из них. «Бог не религиозен», — сказал Махатма Ганди.

На сем завершаю с пожеланием вам глубже, полнее моего, понять и засвидетельствовать смысл истории. Тогда я примусь цитировать Т.С.Элиота:

И вижу я: на ком-то загораются
Сияньем новым белые венцы.

И им же закончу:

Над временем, во мне соприкасаются
Начала и концы.